

ФОРМУЛА УСПЕХА

СПАСАТЕЛЬНЫЙ КАРАВАН ДИДУРОВА

«Эхо рок-эры» — хроника столичного андерграунда — новая книга издательства «Молодежная эстрада». Помимо рассказов о московских рок-тусовках с времен застоя и до наших дней, в ней представлены уникальные фотографии корифеев отечественного рока, их песни в нотном оформлении. Автор сборника — поэт Алексей Дидуров — известен как создатель московского рок-кабаре «Кардиограмма», на протяжении восемнадцати лет своего существования выявляющего и поддерживающего начинающие таланты. (Когда-то кабаре стало первой аудиторией для Цоя, Лозы, Шевчука. Здесь же начиналась творческая жизнь Б.Г., Степанцова, Вишневецкого, Шендеровича.)

В кабаре нет понятия кастовости, иерархии... Кабаре — школа человеческого отношения к личности, где люди учатся любить друг друга несмотря на то, что между собой они конкуренты. Каждое воскресенье в Центральный Дом литераторов может прийти любой, как зритель и как артист. Отбор участников предстоящего концерта довольно строгий. Всех желающих Дидуров прослушивает сам. Честно говоря, для тех, кто не сдал этот «экзамен на талант», — «процедура» не из приятных. Дидуров — человек прямой и без обиняков выкладывает все, что думает. Бывает так, что неудачники покидают кабаре с угрозой на устах: «Вы о нас еще услышите!». На вопрос о критериях отбора Дидуров отвечает просто: «Душа». И за все годы работы в «Кардиограмме» интуиция не подвела его ни разу.

Первые концерты кабаре проходили в коммуналке Дидурова, что в Столешниковом переулке. В «Эхе рок-эры» он вспоминает:

«...Ну и как мы все паковались и уминались? Ведь тогда в кабаре было нас, не считая московских, из разных городов по несколько десятков! Технология была простая. Когда меня соседи под угрозой доноса «куда надо» со Столешникова первый раз выперли, я придумал классный способ упаковки рок-кабаре или, как мы иногда эти сборища называли, подпольного фестиваля молодого искусства. Я находил в центре Москвы сребролюбивого милиционера-участкового, давал ему взятку, и он молча разрешал нам занять на три дня какой-нибудь выселенный старый дом, от-

куда жильцы разъехались по новым квартирам. На всех этажах художники развешивали картины, группы ставили «аппарат», девочки пекли пироги и варили кофе...».

Так что же это за человек — Дидуров, на голом энтузиазме построивший дом, где может найти приют молодая творческая личность?

Чего только ни хлебнул он в своей жизни: полуголодное барачное детство, «уголовная» коммуналка, где «любезные» соседи подсыпают в суп в качестве приправы битое стекло, или — безумный алкоголик грозит зашибить топором. Но несмотря на эту явно нетворческую обстановку, Дидуров умудрился написать и издать шесть книг, каждое слово в которых прожито им, пропущено через душу:

Я пионер. Юнат. Хитрец. Спортсмен.
На рукаве нашивки предотряда.
Уста педагогических сирен
Моим примером
утомяют стадо.
Я прихожу из школы —
галстук прочь,
В карман — кастет
и между пальцев — бритву,
Вернусь домой, когда
вернется ночь —
Крутить на потолке
подвала битву.

(Из поэмы
«Детские фотографии»)

В свое время Дидуров был одним из самых молодых журналистов Советского Союза. С пятнадцати лет — стажер, в шестнадцать с половиной — спецкор «Комсомолки», где он делал полосу «Алый парус». Затем поступил в Литературный институт.

До 1991-го его книги не выходили. В 1992 году вышла первая: «Вариации» («Эхо» и «Палитра»). В 1993-м — «Постфактум» (фирма «Двенадцать»), в 1995-м — «Легенды и мифы Древнего Совка» («Издательство стандартов») и в 1997 году — «Имена на стене» («Древо жизни»).

— Алексей, когда вы написали свое первое стихотворение?

— В девять лет, потому что мне очень нравилась моя соседка по парте.

— Первая любовь?

— Нет, не любовь — влечение. Я уже тогда понимал, что это совершенно разные вещи. Моя первая любовь была красивой, отличницей, в три раза выше меня ростом. Она была для меня абсолютно недосягаема. Я плохо учился, прогуливал уроки, домашние задания вообще не делал, хотя был способным ребенком. А рядом со мной сидела девочка (сейчас она доктор наук), которая презирала меня за мою лень. И чтобы ее «соблазнить», я написал стихотворение вот такого содержания: «...Ничего я не хочу./ Потому что я хочу...». Этот шедевр детской сексуальной поэзии был зафиксирован на промокашке. И когда через много лет мы вновь встретились, она показала мне этот клочок бумаги...

— Алексей, кроме поэмы и прозы, вы пишете и тексты к песням. С какими композиторами вы сотрудничали?

— С «профи», работающими в разных направлениях: Владимиром Мигулей, Александром Кутиковым, Юрием Лозой. Писал песни и для театра, для телеспектаклей, кинолент. А на-

чалось все с фильма «Розыгрыш», где девятиклассник Дмитрий Харатьян еще начинающим актером пел мои песни.

— Для эстрадных певцов писали?

— А как же. «Сентябрьская мелодия» для Эдиты Пьехи, «Не изменяй себе» и «Добро всегда к добру» для Иосифа Кобзона, «Песня о сказке» для Ирины Понаровской, «Урок борьбы» и «Баллада о детстве» для Стаса Намина. В основном же я пишу для друзей. А с Володей Алексеевым даже создали рок-группу «Искусственные дети».

— Почему «искусственные»?

— Да потому, что в нашей стране семидесят лет выводили новый сорт человека. Кормили ложью, приучали воровать и выпрашивать, унижать и унижаться, завоевывать чужое и не иметь своего. И вывели «искусственного человека», потому что натуральный предпочитает правду, труд, собственность и дружбу. Мы родились от этих искусственных людей, значит, мы — искусственные дети.

— Вдохновение — вещь реальная?

— Еще какая реальная! К тому же спонтанная, да еще как нечаянно нагрянет! Это может случиться где угодно, в самых непотребных местах, в экстремальных ситуациях. Если вове-

рмя не выплеснуть наружу, ощущения уходят и потом уже ничего нельзя вернуть. Многие мои замыслы погибли: там, где я жил, заниматься творчеством было невозможно. Представьте себе алкоголика, который у вас под дверью гоняет своих домашних и при этом страшно матерится.

— Кстати, как вы относитесь к нелитературным словам, проще говоря, к мату?

— Дело в том, что не бывает литературных или нелитературных слов. Бывает литературный или нелитературный контекст, внутри которого слово становится литературным или нелитературным.

— Но ведь вы используете мат в своих произведениях...

— Если этого требует литературный контекст, но только не в авторских или лирических отступлениях. В моих произведениях «выражаются» только герои — я же не могу заставить армейского старшину разговаривать как князь Болконский. Из русской жизни вычеркнуть мат невозможно. Кстати, есть принципиальное различие между глаголами «ругаться» и «выражаться». Вспомните, когда Толстой описывает речь Кутузова перед войсками в лагере Тарутино. У Толстого сказано, что в ней не было ни одного

цензурного слова. Кутузов — человек, знающий четыре европейских языка, чувствовал, с кем говорил. Перед ним стояла солдатская масса, и успех речи, на который он рассчитывал, состоял вовсе не в ажурных словах. Крепкие словечки — сокровище великого русского языка. Другое дело — бездарно пользоваться сокровищем. Мат — средство, вопрос — в целях.

— Кто из российских поэтов вам нравится больше всего?

— Иосиф Бродский. Я с трепетом вспоминаю эпизод своей жизни, когда будучи пятнадцатилетним я увидел впервые Бродского. Около двадцати минут я стоял и любовался им. Тогда я еще не знал, что он — гений, но мне дали понять, что он — великий поэт. Талант, как красота, — его невозможно скрыть, и я почувствовал это.

У меня в кабаре немало великодушных поэтов, которыми я восхищаюсь. Я всегда подхожу к поэтам с двумя мерками. Во-первых: могу я так или нет? Если могу, поэт для меня неинтересен. Если не могу, вот тут начинается интерес. Во-вторых: понимаю ли я, как это сделать? Если не понимаю, значит, это для меня предмет восхищения. Я не могу писать настолько пластично, как Алексей Ефимов, мощно, как Дмитрий Гузь,

изящно, как Владимир Мееровский, откровенно, как Дмитрий Быков. Я для этого слишком закомплексован.

— Алексей, кабаре «Кардиограмма» — определенная ступень для начинающих талантов. Как складываются ваши отношения, когда они становятся звездами?

— Наше кабаре — как спасательный караван для затерянного путника, остановка на одиноком пути каждой творческой личности, иногда — остановка на долгие годы. Например, Юрий Шевчук, хоть и в Петербурге, но помнит о нас. Часто звонит Марьяна Цой, вспоминая о том, как счастлив был Виктор в своей первой аудитории. У меня прекрасные отношения с Артемом Троицким. Часто приходят выступать Юрий Лоза, Владимир Вишневецкий, Вадик Степанов, Виктор Шендерович, Сергей Калугин. Кабаре... Оно, как детство, которое остается для нас самым ярким воспоминанием, куда хочется возвращаться снова и снова.

Беседовала
Светлана КАЗАКОВА.

На снимке — Алексей ДИДУРОВ.

Фото Александра
КАРЗАНОВА.